

В левой руке он нес купленные тайным стражем пирожки с османтусом, а правой вел Девятнадцатого, возвращаясь с остальными в гостиницу.

Как только они ушли, в ресторане раздался взрыв хохота. Этой истории рассказчикам хватит на несколько дней — как владелец Башни Цинчэн покарал зло и преподал урок избалованным отпрыскам с легкой руки.

Вернувшись в гостиницу, где они остановились, они обнаружили, что Лин Чэнь уже в комнате. Комнаты располагались рядом. Услышав шум, он распахнул дверь и увидел Шэнь Бэя, идущего впереди и оживленно переговаривающегося с Дуаньму Цином. Лин Чэнь почему-то стало тепло на душе.

Но Шэнь Бэй, очевидно, думал иначе. Увидев его, он сразу же помрачнел, даже не пытаясь скрыть свое отвращение.

Лин Чэнь сделал вид, что не замечает мрачного выражения Шэнь Бэя, и подошел к нему, пытаясь наладить контакт:

— А Бэй... ты вернулся?

— Не называй меня так ласково и не подходи ко мне. Мы не близки, — Шэнь Бэй оттолкнул его в сторону и хотел войти к себе.

Лин Чэнь последовал за ним:

— Не будь таким бессердечным...

— Ты знаешь, зачем идешь за мной, и я тоже. Мы используем друг друга, хватит преследовать меня.

Шэнь Бэй не был глупцом. После того как Дуаньму Цин рассказал ему о Лин Чэне, он послал людей проверить его. Как бы хорошо Лин Чэнь ни скрывал свое происхождение, всегда можно найти улики, тем более с помощью Башни Цинчэн.

Лин Чэнь сжал кулаки, но в конце концов ничего не сказал и с неопределенным видом вернулся в свою комнату.

Девятнадцатый был вялым, непонятно почему. Откусив пару раз от пирожка с османтусом, он перестал есть. Раньше ему вдруг захотелось, но теперь, попробовав, он ничего не чувствовал.

Дуаньму Цин был очень чувствителен к настроению Девятнадцатого. Заметив, что тот не в духе, он обнял его и стал успокаивать:

— Пирожки невкусные? Приказать купить другие?

— Не надо, не так уже сильно и хочется, — ответил Девятнадцатый.

Он зевнул, ему стало сонно, и он невзначай заговорил с Дуаньму Цином:

— Господин, мне кажется, что с тех пор, как мы вместе, я становлюсь всё ленивее.

Дуаньму Цин сжал кончики пальцев Девятнадцатого и поцеловал их, не придавая значения:

— Ленивым, так ленивым. Я тебя прокормлю, чего там.

Девятнадцатый снова зевнул:

— Так хочется спать...

— Хочешь спать — поспи немного. Я побуду с тобой.

— Угу.

Девятнадцатый снял одежду и залез под одеяло. Дуаньму Цин не раздевался: ему нужно было поговорить с Шэнь Бэем и Хань Лэном. Он лег рядом, убаюкивая Девятнадцатого.

Обняв Девятнадцатого вместе с одеялом, Дуаньму Цин поцеловал его. Девятнадцатый глядел на него, не мигая. Дуаньму Цин спросил:

— Разве ты хочешь спать? Почему не спишь?

— Сейчас усну.

Сказав это, Девятнадцатый послушно закрыл глаза.

— Лин Чэнь знает, что мы наверняка пошлем за ним людей, поэтому никуда не уходил. Семнадцатый и Восемнадцатый последовали за ним в бордель, пили там вино весь день и вышли, вероятно, там он и поддерживал связь.

Дуаньму Цин находился у Хань Лэна и обсуждал с ними дела.

— Дуаньму, ты действуешь всё жестче. Еще когда я был в Павильоне Холодных Намерений, я знал, что ты разослал людей убивать членов Врат Гу повсюду. Изначально их прикрытие могло бы продержаться дольше, но после твоего вмешательства, даже если у них был план, он сорван.

Услышав легкие шаги за дверью, Хань Лэн сказал что-то не к делу, в голосе слышалась даже жалость, жалость к людям из Врат Гу.

— Виноваты они сами. Пошевелили тех, кого трогать нельзя. Не так уж легко задеть Башню Цинчэн.

— Приказ Цинчэн уже отдан. Скажи, оставил бы ты хоть кого-то в живых, хотя бы до Великого Собрания Боевых Искусств? — заметил Шэнь Бэй. — Сейчас в мире боевых искусств говорят, что сокровища связаны с Башней Цинчэн. Хотя прямо и не говорят, но в будущем будут неприятности...

— Знаю, я знаю меру. Но сокровища я никому не отдам.

— Какие сокровища? Мне тоже любопытно, — произнес Шэнь Бэй, намеренно повысив голос, чтобы за дверью было четко слышно.

— Какие еще, конечно, золото и драгоценности. Башне Цинчэн деньги не нужны, это сокровище припасено про запас.

Дуаньму Цин понятия не имел, что это за сокровище, он чисто выдумывал, чтобы обмануть Лин Чэня.

— Какой же ты скряга, даже братьям не делишься? — с обидой сказал Шэнь Бэй.

— Точно, ты небратский человек, Дуаньму... — поддержал Хань Лэн.

— С чего я должен вам давать? Сокровище принадлежит Башне Цинчэн, — у Дуаньму Цина тоже был неважный тон.

Они говорили так, будто вот-вот начнут драться. Лин Чэнь не решился задерживаться надолго и ушел первым.

— Не знаю, поверит ли он, — сказал Шэнь Бэй.

— Хоть верит, хоть нет, переверни стол, чтобы было правдоподобнее. Эта комната рядом с комнатой Лин Чэня, он точно услышит.

Раздался грохот, словно они действительно начали драться.

Дуаньму Цин похлопал в ладоши:

— Хорошо, что моя комната отделена от этой комнатой Шэнь Бэя.

— Почему? — спросил Хань Лэн.

— Девятнадцатый спит, боюсь его разбудить.

— ... — Вечно и везде не упускают случая похвастаться своей любовью.

Девятнадцатый в последние дни ложился спать очень рано, сразу после ужина. Дуаньму Цин иногда читал ему вслух книги, и обычно, пока история еще не заканчивалась, Девятнадцатый уже спал.

Девятнадцатый хотел спать, и Дуаньму Цин в последние дни не стал заставлять его заниматься определенными делами, давая малышу нормально выспаться.

Лишь наступила глубокая ночь, луна скрылась за облаками, небо стало черным, снаружи воцарилась мертвая тишина, а в комнате было спокойно, слышно только дыхание.

Девятнадцатый перевернулся в объятиях Дуаньму Цина, уши его шевельнулись: он услышал звуки, не свойственные ночи.

Девятнадцатый позвал:

— Господин.

Дуаньму Цин уже услышал шум и почувствовал убийственные намерения, но с этим должны были справиться тайные стражи, поэтому он не встал.

Раз Девятнадцатый заметил неладное, он наверняка хотел пойти наружу. Дуаньму Цин открыл глаза и прижал к постели рвущегося наружу Девятнадцатого.

— Там есть тайные стражи, зачем тебе выходить? Простудишься.

Поцеловав Девятнадцатого в лоб, Дуаньму Цин добавил:

— Но...

— Никаких «но», — перебил его Дуаньму Цин. — Ты уже не тайный страж. Лежи смиренно, хорошо?

Иногда Девятнадцатый не мог избавиться от привычек стража и при любой проблеме рвался вперед. Если Дуаньму Цин не будет за ним следить, он опять побежит.

— Тогда давай подождем, пока схватят убийц, а потом выйдем.

Девятнадцатый не сдавался и хотел пойти посмотреть, вступая с Дуаньму Цином в переговоры.

— Хорошо, как скажешь.

Дуаньму Цин тихо вздохнул и согласился.

Едва он это сказал, как убийцы уже оказались во дворе.

Тайные стражи преградили им путь, не давая приблизиться к комнате Дуаньму Цина. Шэнь Бэй и Хань Лэн тоже рано услышали снаружи изменение скорости ветра и, как только появились убийцы, вышли наружу.

Хань Лэна только что с крыши пнул Одиннадцатый, поэтому настроение у него было не из лучших, и эти убийцы как раз подошли, чтобы он на них выплеснул злость.

Тайные стражи были одеты в черное, убийцы тоже — в темноте их было трудно различить. Но одежда стражей Башни Цинчэн имела специальные знаки, чтобы во время битвы не перепутать своих и чужих. Кроме того, многолетняя слаженность позволяла им безошибочно определять, кто свои.

Хань Лэн и Шэнь Бэй обычно выходили из дома без людей, в одиночку, не брали с собой слуг и тайных стражей, в отличие от Дуаньму Цина, который, казалось, был один, но на самом деле за ним следила целая армия стражей. Однако на этот раз они собирались на Великое Собрание Боевых Искусств, так что тоже кое-кого назначили в темноте.

Люди из Павильона Холодных Намерений и Дворца Северного Ковша присоединились к битве, и положение убийц сразу стало невыгодным. Возможно, пославшие их не ожидали, что у Дуаньму Цина будет такой высокий боевой потенциал. Убийцы были уровня выше среднего, но для этих стражей это было сущий пустяк.

Снаружи раздавался стук оружия: «бам-бам». Девятнадцатый, слушая это, тоже хотел выйти. Дуаньму Цин уже одел его. Девятнадцатый дергал Дуаньму Цина за рукав:

— Господин, мы тоже пойдем, хорошо?

— Зачем спешить? Успеем.

— А вдруг тайные стражи не победят убийц, что тогда? — сам Девятнадцатый не верил своим словам.

— Ничего, есть еще Хань Лэн и Шэнь Бэй.

Не то чтобы Дуаньму Цин не пускал Девятнадцатого, просто тот иногда был непослушным, и он боялся, что тот снова получит ранение.

Девятнадцатый: Я не могу уснуть!

Дуаньму Цин: Не можешь уснуть — это легко решается. Подвигаешься немного — и уснешь.

Два часа спустя.

Дуаньму Цин: Умер, спина болит, хочу спать.

Девятнадцатый: Весьма бодр, всё не могу уснуть, просто немного устал...

<http://bllate.org/book/16706/1535212>